

Потенциал интенсификации
системы разделения труда
в условиях интеллектуализации
российской экономики: системный аспект

Андрей Б. Ильин

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, ilin.ab@rggu.ru*

Сергей А. Батищев

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, batistchev@mail.ru*

Аннотация. В статье представлена первичная системная интерпретация российской системы разделения труда как иерархической системы. В исследовании использовались результаты природного моделирования, позволившие выявить онтологические свойства обычной и иерархической систем и по-новому взглянуть на интерпретацию и конструирование сложных иерархических систем. В качестве значимых системных особенностей российской системы разделения труда выделены: ее структурная рыхлость как целого, жесткость ее отдельных структур в меняющемся контексте, неизбежная вторичность отдельных работников и целых групп. Ключевая мысль, сформулированная авторами, состоит в том, что в условиях интеллектуализации российской экономики для обеспечения качественно нового уровня эффективности российской системы разделения труда и государственного управления возможна системная интенсификация системы разделения труда, одним из элементов которой может стать введение в нее систем ИИ для замещения людей на нижнем уровне иерархической структуры, на который вытесняется вторичность с верхних уровней.

Ключевые слова: система разделения труда, государственное управление, интеллектуализация, системная интерпретация, иерархическая система, системная интенсификация

Для цитирования: Ильин А.Б., Батищев С.А. Потенциал интенсификации системы разделения труда в условиях интеллектуализации российской экономики: системный аспект // Вестник РГГУ. Серия «Экономика и управление». 2026. № 1. С. 106–123. DOI: 10.28995/3033-7216-2026-1-106-123

The potential for intensification of the division of labor system in the context of the intellectualization of the Russian economy: a systemic aspect

Andrei B. Il'in

*Russian State University for the Humanities
Moscow, Russia, ilin.ab@rggu.ru*

Sergey A. Batishchev

*Russian State University for the Humanities
Moscow, Russia, batistchev@mail.ru*

Abstract. The article presents the primary systemic interpretation of the Russian system of division of labor as a hierarchical system. The study used the results of natural modeling, which allowed us to identify ontological properties of ordinary and hierarchical systems and to take a new look at the interpretation and design of complex hierarchical systems. The significant systemic features of the Russian system of division of labor are identified as follows: its structural looseness as a whole, the rigidity of its individual structures in a changing context, and the inevitable secondary character of individual workers and entire groups. The key idea formulated by the authors is that in the conditions of intellectualization of the Russian economy to ensure a qualitatively new level of efficiency of the Russian system of division of labor and public administration, a systemic intensification of the system of division of labor is possible, one of the elements of which can be the introduction of AI systems to replace people at the lower level of the hierarchical structure, to which the secondary nature is displaced from the upper levels.

Keywords: division of labor system, public administration, intellectualization, system interpretation, hierarchical system, system intensification

For citation: Il'in, A.B. and Batishchev S.A. (2026), "The potential for intensification of the division of labor system in the context of the intellectualization of the Russian economy: a systemic aspect", *RSUH/RGGU Bulletin. "Economics and Management" Series*, no. 1, pp. 106-123, DOI: 10.28995/3033-7216-2026-1-106-123

Введение

Наука и технологии в области искусственного интеллекта (далее – ИИ) активно развиваются и оказывают значительное влияние на российскую экономику, повышая эффективность ее ключевых секторов и способствуя их переходу на новый уровень развития. Ожидается, что в условиях стремительного роста количества сложных и слабоструктурированных проблем применение техно-

логий ИИ в сфере государственного управления поможет упорядочить управленческую деятельность и систему государственного управления в целом. Рассмотрение технологий ИИ как эмерджентных с необходимостью ставит вопрос о получении эмерджентности в результате объединения систем ИИ и системы принятия управленческих решений (далее – СПУР) органов государственной власти. Актуальными становятся соответствующие системно-теоретические исследования.

Специфика сложного объекта не исчерпывается особенностями составляющих его элементов, связей и отношений между ними – она может корениться в характере зависимости объекта от более широких систем, элементами которых он является. СПУР органов государственной власти является частью системы органов государственной власти, которая, в свою очередь, является частью российской системы разделения труда (далее – СРТ).

П.Г. Щедровицкий и Ю.В. Кузнецов [Щедровицкий, Кузнецов 2014] проанализировали литературу о разделении труда с античных времен до XX в. и пришли к выводу о периферийной роли понятия «разделение труда» в экономической науке и об отсутствии интереса к нему. По их мнению, при всей значимости динамических процессов углубления разделения труда, по своей логической структуре и эпистемологическим основаниям неоклассический мейнстрим, центром которого является общая теория равновесия, не может интегрировать в себя феномен разделения труда [Щедровицкий, Кузнецов 2014, с. 61], необходимо переосмысливание понятия «разделение труда» и включение его в экономическую теорию в новом качестве.

В современной научной литературе о разделении труда (О.В. Будзинская, М.В. Ларионова, А.В. Широкова, О.Ю. Анциферова, А.Н. Демьяненко и др.) сохраняется отмеченное Щедровицким и Кузнецовым смешение терминов «разделение труда» и «специализация»; рассматриваемые разновидности разделения труда не покрывают всю совокупность явлений, описываемых этим термином; наибольшее внимание уделяется международному разделению труда.

Целью настоящего исследования стала системная интерпретация российской системы разделения труда как иерархической системы.

Методологическую основу составили принцип метасистемного подхода как реализация общесистемного принципа системности в системных исследованиях, а также принцип системного подхода.

Теоретической основой стали фундаментальные положения экономической теории, общей теории систем, теории социальных

систем и системного анализа, труды философов и ведущих отечественных и зарубежных ученых в области экономической науки и системных исследований.

Ограничения системных представлений

Современные системные представления имеют философские корни. Сначала системное осмысливалось последовательно Б. Спинозой (1632–1677), Г.В. Лейбницем (1646–1716) и И. Кантом (1724–1804). Преодолевая друг друга, философы постигали основные атрибуты системы: ее целостность (единство Бога и природы Спинозы), наличие в системе у каждого элемента в отдельности общего онтологического свойства (монады Лейбница) и главное для любой системы – ее системный эффект (трансцендентальный разум Канта).

На следующем этапе уже параллельно системное осмысливали И.Г. Фихте (1762–1814), Ф.В.Й. Шеллинг (1775–1854) и Г.В.Ф. Гегель (1770–1831). Им предстояло собрать воедино и структурировать системное. Настоящая драма в истории познания бытия развернулась в столкновении идей Шеллинга и Гегеля – Моцарта и Сальери системного в немецкой классической философии. Шеллингу удалось сформулировать идею субъект-объектности «живого» мира и провести строгое различие между бытием и сущим (см. [Дугин 2015, с. 219]), имплицитно наполнив мир системным содержанием. Даже в простейших формах организованной материи Шеллинг видел жизнь¹ и связывал ее с созданием и порождением целого. Фихте признал идеи Шеллинга об иерархической структуре Мира и пересмотрел свою философскую систему. Гегель же перевернул «шахматную доску», на которой виртуозно играл Шеллинг, обрушив тем самым его построения: Гегель изменил само целое, исходную систему, которую структурировал Шеллинг. Гегель расширил границы целого до бесконечности, изменив содержание шеллингового концепта НИЧТО (у Шеллинга НИЧТО как ничего из сущего понимается как бытие) и проведя строгое различие уже между бытием и собственным, новым НИЧТО, которое у Гегеля понимается как схема пустого пространства. Новая система координат и состояние опытных наук не позволили Шеллингу преодолеть построения Гегеля, структурировать как систему уже но-

¹ Шеллинг Ф.В.Й. Идеи к философии природы как введение в изучение этой науки / Пер. с нем. А.Л. Пестова. СПб.: Наука, 1998. С. 116.

вую модель Вселенной и эксплицитно объяснить, как устроена и как «работает» иерархическая система.

Развитие системных представлений продолжилось в XX в., но проходило уже экстенсивно и за рамками высокого познания философии, в основном в междисциплинарном пространстве (общая теория систем, теория социальных систем, кибернетика, синергетика, системный менеджмент и др.). Кибернетика попыталась заявить претензии на овладение управлением в субъект–объектной системе, но не смогла довести начатое до конца. А.А. Богданов (1873–1928) указал на то, что существует два универсальных типа систем, а целое в системах отличается от суммы самих частей тем более, чем более оно организовано [Богданов 1989, с. 9]. Р.Л. Акофф (1919–2009) отметил, что в недостаточно хорошо организованной системе, даже если каждая ее часть отлично выполняет свои задачи, вся система обычно работает неэффективно. Кроме того, когда модели одного типа применяются к системам другого типа, это приносит по меньшей мере столько же вреда, как и пользы [Акофф 2002, с. 60].

Системный подход (Р.Л. Акофф, В.Н. Садовский, А.И. Уемов, И.В. Блауберг, Э.Д. Юдин, Ю.А. Урманцев и др.) как единое методологическое направление подвергается критике. Как показал М.С. Джексон [Jackson 2019], возникают различные специализированные системно-ориентированные подходы для решения конкретных задач. Однако на практике одни и те же методы воздействия на систему могут быть успешны в одних ситуациях и приводить к неудаче в других, совершенно аналогичных. Современные технологии управления ориентируются на вероятностную обусловленность систем. Так Ч.Б. Китинг и П.Ф. Катина отмечают, что претендующий на более высокий уровень мышления complex system governance, опирающийся на общую теорию систем и кибернетический подход к управлению и ориентированный на проектирование, реализацию и поддержание эволюции системных функций, полагает нормой отсутствие точности предлагаемых им мер [Keating, Katina 2019, с. 5]. На наш взгляд, вероятностная трактовка системного поспешна.

Сегодня системное по-прежнему остается до конца не структурированным, недосказанным, каким его оставил Шеллинг. Шеллинг отмечал, что ранее так называемые теории природных явлений могли объяснить лишь возможность того, что нечто обстоит именно так, но необходимость никогда². Основная цель – найти единство в разнообразии природы.

² Шеллинг Ф.В.Й. Указ. соч. С. 145.

Возвращение к раннему Шеллингу, его натурфилософским идеям позволило авторам статьи продолжить структурирование системного с помощью природных моделей как носителей общесистемных свойств и закономерностей. Природное моделирование позволяет выделить из системного, в котором системы находятся в связанном и взаимозависимом состоянии, природные модели обычной и иерархической систем в свободном состоянии, выйти на эмпирический уровень и установить основные онтологические свойства самих систем и их элементов, что принципиально важно для системного анализа и системного конструирования. Логика природных моделей помогает разделить онтологическое (заложенное, индивидуальное) и эмпирическое (обретенное в системном, зависимое и историчное). Это разделение составляет сущность системного видения и является главной гносеологической трудностью системного как такового. Подчеркнем, что системное видение дает чувство необходимого, а не возможного. В исследовании учитывается нелинейная логика природных моделей, существенно расширяющая эвристические возможности системных представлений. Система рассматривается как управляющий комплекс, автономия и свобода элементов которого ограничены.

Простейшие системные ограничения: обычная и иерархическая системы имеют разные системные эффекты; онтологически одинаковые элементы объединяются в обычную систему (связь элементов двусторонняя, по принципу «сообщающихся сосудов», свойства элементов со временем выравниваются), онтологически разные элементы – только в иерархическую систему (связь элементов субъект-объектная, различия элементов со временем усиливаются); именно иерархическая система имеет собственную динамику и собственный орган управления (самоуправления), который обеспечивает постоянство свойств доминирующей подсистемы (предустановленная неизменяемость свойств (имплицитная функция)), а также вытеснение изменений в подчиненную подсистему и их упорядочивание (эксплицитная функция); в системном причина и следствие могут быть разнесены в пространстве (следствие не там, где причина) и во времени (есть временная задержка, связанная с инерцией системного); системное видение корректно только на уровне системного целого и его макроструктур. Понимание логики простейших иерархических систем позволяет по-новому взглянуть на интерпретацию и конструирование сложных иерархических систем. Основная задача системного видения – использовать грандиозные возможности естественных управляющих комплексов.

Системные особенности российской системы разделения труда

Разделение труда – это разноуровневая совокупность способов организации труда, возникающая при производстве материальных и нематериальных благ и услуг. Для разделения труда значим именно сам способ его организации, а не форма проявления. Ксенофонт (около 430 г. до н. э. – около 355 г. до н. э.) считал разделение труда естественным явлением, а Платон (423–348 гг. до н. э.) видел в разделении труда главную причину иерархического строения общества. Современная российская СРТ является реальной иерархической системой с собственной динамикой и собственным развитием. Она институционализована и, с системной точки зрения, является системообразующей структурой государства, отражающей синтез государства и общества, передний край их соприкосновения и устойчивого взаимодействия. Как система РАЗДЕЛЕНИЯ (разное может объединяться только в иерархическую систему и находиться только в отношениях власти) она с необходимостью предполагает своей эксплицитной функцией управление подчиненной системой, что требует развертывания и поддержания системы управления (далее – СУ) как подсистемы более высокого порядка, которая, в свою очередь, требует развертывания СПУР, наиболее «высокой» подсистемы. Вертикальная дифференциация СРТ более значима, чем горизонтальная. В СРТ циркулируют труд и управляющее воздействие. Развернутость и эффективность СРТ характеризуют уровень развития общества. Российская СРТ является специфической макроструктурой мирового системного целого, поэтому ее системная интерпретация и возможная системная интенсификация корректны.

Воспользуемся идеями Т. Парсонса (1902–1979), чтобы показать системное состояние СРТ. Парсонс выделяет четыре подсистемы социальной системы. Анализ показывает, что:

- 1) политическая система определяет в обществе *вертикальную дифференциацию дальнего порядка*;
- 2) социальные общности определяют горизонтальную дифференциацию дальнего порядка;
- 3) социокультурная система определяет ценностные приверженности дальнего порядка;
- 4) экономическая система определяет *вертикальную дифференциацию дальнего* и ближнего *порядка*, горизонтальную дифференциацию дальнего и ближнего порядка, а также свои ценности.

Ближний порядок (вертикальный и горизонтальный) и собственные ценности определяет семья.

Экономическая система посредством СРТ встраивает человека в цепочки специфических экономических отношений и существенно влияет на другие системы, так как действует на их полях, испытывая при этом и их встречное воздействие.

Политическая и экономическая системы, определяющие в социальной системе вертикальную дифференциацию дальнего порядка, не коррелируют друг с другом: политическая система целостна, а экономическая система имплицитно «фрагментарна» (дальний порядок в ней полностью не реализуется, так как для человека обрывается в СРТ на работодателе). Множественность работодателей множит разрывы и вместе с ними противоречия в экономической ткани общества, исключая подлинную синергию различных видов деятельности общества. Работодатель как таковой, невольно устанавливая некий предел встроенности человека в структуры дальнего порядка, обособляет человека, препятствуя формированию человеческих ресурсов как единого объекта государственной экономической политики. Можно говорить о парадоксе современного состояния государства и общества – в современной СРТ человек отрезан от государства и может воспринимать его как стороннюю и равнодушную силу.

Первая значимая особенность СРТ – ее фрагментарный характер, отсутствие структурной целостности, «рыхлость» как целого. Рыхлость СРТ свидетельствует не о глубинных системных проблемах (патологиях), а скорее о незрелости самой системы и ее системного окружения более высокого порядка. СРТ еще только предстоит раскрыть свой настоящий системный потенциал. Сегодня можно говорить о крайней неэффективности СРТ как единой системы. Функции самовоспроизводства, управления, целедостижения, интеграции, приспособления, скрытого поддержания образца и другие реализуются в системе не в полной мере.

Внутри самой СРТ имеется разрыв и строгое различие между ее частью, расположенной в органах государственной власти, и частью, расположенной в управляемых объектах. Можно говорить о двух подсистемах СРТ: доминирующей и подчиненной. При этом СРТ органов государственной власти как доминирующая подсистема в своем целостном состоянии должна иметь более прочные горизонтальные связи, нежели СРТ управляемых объектов (именно за счет более прочных связей доминирующая система сохраняет свои свойства неизменными по принципу: где тонко, там и рвется – в подчиненной системе). Рыхлость СРТ органов государственной власти (следствие множественности органов государ-

ственной власти) может приводить к принципиально большим потерям эффективности в сравнении с возможностями ее целостного состояния, нежели у СРТ управляемых объектов с ее непрочными связями.

Вторая значимая особенность СРТ – ее жесткая конструкция в меняющемся системном контексте. Жесткость отдельных структур СРТ является следствием ее «искусственного» происхождения (в том числе законодательной предустановленности), заложившего глубинные ограничения на ее развитие как системы во внешнем системном целом.

Системный подход [Блауберг, Юдин 1973] указывает на то, что любая система является частью внешней, более общей целостности. Метасистемный подход [Карпов 2014], раскрытый А.В. Карповым для психики человека, в свою очередь, рассматривает любую систему как *взаимодействующую* с определенной внешней, более общей целостностью – метасистемой. В логике метасистемного подхода система рассматривается как особая, качественно специфическая система со встроенным метасистемным уровнем, через который она взаимодействует с иными системами. Именно в этом взаимодействии система обретает свою качественную определенность и может быть адекватно понята и раскрыта. Метасистемный уровень как некая сущность, имея двойную локализацию, принадлежит системе и лежит вне ее, а механизмы системы могут быть гетерогенными. Содержание метасистемного уровня способно управлять структурой системы. Метасистемой для СРТ выступает социальная система, для которой отношения по поводу способа производства и уровня разделения труда являются исходными связями, обогащающими содержание других социальных связей между людьми.

Жесткость СРТ может восприниматься внешним системным целым как ее асистемность. Системное целое более высокого порядка может поддерживать как системный, так и асистемный характер СРТ. Асистемное в СРТ как реальной «пограничной» структуре, в рамках которой устойчиво взаимодействуют государство и общество, реализуется и поддерживается через ее фрактальность (свойство самоподобия). С системной точки зрения, фрактал – это асистемный феномен, так как его часть не отличается от целого (в системе часть всегда отличается от целого). Системных свойств нет на границе системы и во внешней среде. Фрактал можно рассматривать как частный случай вырождения системы, ее «пограничный» эффект. Предустановленная жесткость СРТ определяет ее способность воспроизводить некий заданный образец под воздействием внешнего системного целого. В СРТ как «пограничной» структуре фрактально воспроизводится и поддерживается структура из че-

тырех уровней иерархии. Именно этот воспроизводимый образец («фрактал») определяет в дальнейшем структуру и функции СРТ.

Многоуровневые структуры, чем и является СРТ, представляют собой не линейную цепочку уровней подчинения, а совокупность соподчиненных иерархических систем, вложенных одна в другую, подобно русской матрешке. Иерархическая структура с необходимостью предполагает наличие трех типов связей, разных по формам и жесткости: непрочного сцепления элементов в подчиненных подсистемах, прочного сцепления доминирующих и подчиненных подсистем друг с другом, сверхпрочного сцепления элементов доминирующих подсистем. Анализ природных моделей показывает, что естественные иерархические структуры обладают собственным механизмом гармонизации, позволяющим менять относительное расположение отдельных иерархических систем, входящих в их структуру (лифт вверх-вниз по уровням вложения). Движение иерархических систем в иерархической структуре может сопровождаться их инверсией (перевертыванием – превращением доминирования в подчинение и наоборот).

СРТ как «искусственная», жесткая структура лишена способности к подобной метаморфизации. Поэтому для компенсации возникающих напряжений в ней на стыке с социальным возникают метаструктуры, состоящие из устойчивых связей и их цепочек, эксплуатирующих возникающие в процессе трудовой деятельности отношения ближнего порядка конкретных людей (с их характерами, волей, бэкграундом) или целых групп. С позиции метасистемного подхода, как структура состоит из нескольких отдельных систем, так метаструктура состоит из нескольких отдельных внешне локализованных метасистемных уровней. Метаструктуры имеют более высокий порядок и принадлежат одновременно СРТ и социальной системе. Метаструктуры отражают отношения между различными структурными компонентами СРТ как по вертикали, так и по горизонтали. Свои собственные метаструктуры возникают в СУ и СПУР. «Тело» переплетенных и взаимозависимых метаструктур принимает на себя проблемы СРТ и отличается особой драматургией и историзмом (в нем могут определяться и даже ломаться судьбы людей).

Воздействием на СРТ механизмов управления и целеполагания внешнего системного целого более высокого порядка мы объясняем то, что функциональные структуры СРТ (СУ и СПУР), имея в своем содержании и адаптируя внешние связи управления, являются подсистемами более высокого порядка, нежели сама СРТ. Структурные уровни СРТ вкладываются внутрь друг друга, а функциональные, наоборот, разворачиваются снаружи системы,

один над другим. При этом характер собственно СУ и СПУР как полноценных функциональных структур дальнего порядка принципиально отличен от характера метаструктур СРТ как структур псевдодальнего порядка.

Мы отмечали, что СРТ, будучи иерархической системой, «распадается» на две подсистемы: доминирующую и подчиненную (СРТ органов государственной власти и СРТ управляемых объектов). Аналогично в общей системе управления как иерархической системе выделяются две подсистемы (доминирующая и подчиненная): СПУР и СУ. СПУР является наиболее высокой структурой СРТ, что, вследствие предустановленной неизменяемости свойств, устанавливающейся в самой высокой подсистеме, определяет ее крайнюю чувствительность к любым воздействиям внешней и внутренней среды. СПУР, чтобы не допустить собственных изменений, с помощью СУ вытесняет возможные изменения в управляемую систему: СПУР преобразует целый комплекс текущих воздействий в конкретное управленческое решение, предполагающее конкретное изменение управляемой системы. Именно СПУР является драйвером собственной динамики и развития СРТ, а СПУР органов государственной власти является самым «высоким», самым важным и ценным звеном СРТ. Для СПУР органов государственной власти безопасность во всех ее аспектах должна рассматриваться прежде эффективности.

Если рассматривать настоящую интерпретацию СРТ как первичную модель системной картины Мира и проводить аналогию между системной и философской рефлексией, то СУ и СПУР вместе как единый орган управления будут соответствовать трансцендентальному разуму И. Канта, СПУР органов государственной власти – чистому разуму Канта, СУ подчиненных объектов – практическому разуму Канта, а «тело» переплетенных метаструктур – “DASEIN” М. Хайдеггера (1889–1976).

Третья значимая особенность СРТ наиболее драматична и глубинна: иерархическая природа СРТ с необходимостью предполагает вторичное положение отдельных работников и целых групп. П. Бурдые (1930–2002) указывал на то, что вторичное положение отличается неотрефлексированными схемами мышления подчиненных в отношении окружающего мира, доминирующих акторов и себя самих [Бурдые 2005, с. 301]. Подавление рефлексии в отношениях власти, разрыв причинно-следственных связей в сознании подчиненных может отражаться на результатах их труда и приводить к резкому падению эффективности СРТ в целом, снижать способность системы достигать целей всех уровней, особенно стратегических.

На наш взгляд, критичным для рефлексии подчиненных является именно низший уровень иерархии – четвертый. В СРТ с каждым новым уровнем вложения вторичность императивно вытесняется вниз, на самый нижний уровень самой нижней структуры («фрактала»). В свою очередь, предустановленная неизменяемость свойств доминирующей системы, наоборот, вытесняется в самую высшую подсистему.

Современные управленческие практики не исключают введения в СРТ дополнительных (промежуточных) уровней иерархии, что может массово увеличивать число подчиненных, оказывающихся «ниже» третьего уровня. Применение наиболее радикальных (сетевых) технологий управления, целиком погружающих объект управления во вторичность (человек на любом уровне иерархии может полностью контролировать воздействие только через один интерпретационный канал, воздействие двух и более акторов нарушает его рефлексию) и вызывающих быструю деградацию всей управляемой структуры и ее элементов и даже их распад, может быть оправдано и объяснимо тем, что мировое системное целое не сопротивляется подобным практикам или даже поддерживает их на этапе распада старого миропорядка, что исключено на созидательном этапе устройства нового миропорядка. По мнению П.А. Сорокина (1889–1968), человечество ждет не гибель, а именно смена социокультурной системы. Цель существования системы определяется только внутренней природой самой системы [Сорокин 2006, с. 741].

А.В. Бутаков отмечает, что общественное разделение труда – это цивилизационный процесс перманентной детализации труда с интенсификацией этого процесса при наступлении каждого последующего технологического уклада [Бутаков 2014, с. 15]. Обратим внимание на то, что интенсификация детализации труда касается именно горизонтального состава СРТ, а не ее вертикальной дифференциации. Сегодня контекст СРТ стремительно меняется. Признается, что в условиях цифровой трансформации, активного внедрения умных цифровых технологий в реальные бизнес-процессы и создания интеллектуальных экосистем в национальной экономике трансформируются многие информационные, технологические, социальные модели и структуры управления. Цифровая реальность представлена в СРТ в виде информационной подсистемы более высокого порядка, также рыхлой вследствие множественности входящих в нее специализированных информационных систем. На стыке информационной подсистемы и метаструктур СРТ возникают новые метаструктуры, еще более высокого порядка. «Высокая» природа этих «метаметаструктур» может вступать в

противоречие со вторичностью работников, находящихся на низшем уровне иерархической структуры, и затруднять их адаптацию к новым условиям. Так, в 2022 г. 80% трудоспособных россиян были не готовы к работе на современных рынках. При этом риск замены труда цифровыми и автоматизированными решениями подала половина трудоспособного населения – более 35 млн человек [Ширинкина 2022, с. 63].

Внешнее воздействие на жесткую структуру может быть критичными и даже превосходить ее «прочность». В случае СРТ социальное может исчерпать свой ресурс решения ее проблем. Отметим, что снижение спроса на ряд профессий, трансформация многих действующих и возникновение большого числа абсолютно новых профессий, появление новых форм организации и разделения труда, внедрение новых нормативов работы при всех трудностях для социального напрямую не затрагивают иерархических основ СРТ. Прямые риски для СРТ, на наш взгляд, начинаются, когда в социальную систему «заходят» исторически новые акторы (системы ИИ) и формируется искусственная или «гибридная» социальность (Б.С. Сивиринов, А.В. Резаев, Н.Д. Трегубова, И.И. Владимиров, И.В. Владленова и др.). Многочисленная генерация агентов ИИ, значительно превосходящая по численности человечество, на постоянной основе присутствует в социальном, устойчиво взаимодействует с человеком, его средой обитания и культурой, самообучается, адаптирует свое поведение и автономно осваивает специализированные роли, взаимодействуя при этом друг с другом и перенимая опыт, отличный от человеческого. Принципиальные, онтологические различия человека и систем ИИ исключают их устойчивое объединение в обычную систему с одноуровневыми связями. В социальном неизбежна вертикальная дифференциация человека и систем ИИ и только отношения власти между ними.

Ф.Г. Юнгер (1898–1977) отмечает, что мышление Техника не может согласиться на подчинение технического прогресса экономическим требованиям, на его служебную роль по отношению к экономике. Совершенство техники заключается в том, что нет больше ничего, что не было бы подвластно технике [Юнгер 2024, с. 534]. Распространим мысли Юнгера о Техниках на создателей и собственников современных технологий ИИ (воплощения совершенства техники).

С момента появления первых, самых примитивных форм ИИ человечеству прививался стереотип о превосходстве ИИ перед человеком. В настоящее время, с одной стороны, человечеству эксплицитно предлагается концепция киберсоциальной экосистемы Индустрии 5.0 как среды, в которой сосуществуют люди и умные

устройства, находящиеся в виртуальном и физическом взаимодействии. При этом указывается, что экосистема не имеет централизованной системы управления и предполагает только одноуровневые отношения акторов [Бабкин и др. 2021, с. 43] (отметим, что для организации отношений человека и систем ИИ в экосистеме применяется модель обыкновенной, а не иерархической системы). С другой стороны, существуют эмпирические подтверждения использования алгоритмов ИИ в глобальных социальных и политических технологиях, скрыто предоставляющих ИИ доминирование над людьми (сервисы, работающие с большими данными, показывают управляющее воздействие на мировое массовое сознание). Растут риски оформления прямой вторичности людей относительно систем ИИ. Российская СРТ как макроструктура глобального системного целого может целиком оказаться во вторичном положении относительно систем ИИ в случае создания устойчивых глобальных конструкций на основе технологий ИИ. При этом любая форма вторичного положения неприемлема для ЛПР, особенно ЛПР органов государственной власти, так как основными факторами эффективности принятых решений являются достоверная, полная информация и, главное, отрефлексированные схемы мышления ЛПР.

Однако именно интеллектуализация российской экономики превращает системные особенности СРТ (структурную рыхлость как целого, жесткость отдельных структур в меняющемся контексте, неизбежную вторичность отдельных работников и целых групп) в потенциал ее системной интенсификации, которая, в свою очередь, способна интенсифицировать технологии ИИ и социализировать их в интересах государства и общества. Казалось бы, преодоление рыхлости СРТ и ее отдельных компонентов возможно с помощью ее же собственных внутренних механизмов и не связано с интеллектуализацией, но логика системного указывает, что возможна только одна попытка для системной интенсификации, во время которой нужно одновременно решить все проблемы СРТ. Интеллектуализация дает шанс решить наиболее глубинную проблему – проблему вторичности людей в СРТ. Генерация агентов ИИ может заменить людей в опасном месте – ее можно ввести в СРТ и зафиксировать на четвертом (низшем) уровне иерархической структуры, на который вытесняется вторичность с верхних уровней, что может обеспечить людям, независимо от рода их деятельности, первичность и, как следствие, максимальную эффективность работы. Онтологически системы ИИ воплощают в себе изменчивость, высокую лабильность, готовность взаимодействовать с внешней средой как основу их способности к самообу-

чению. Предустановленная неизменяемость свойств, которая императивно устанавливается в доминирующей подсистеме, нерелевантна природе систем ИИ. Именно вторичное положение систем ИИ в СРТ, является решением, способствующим нормальной работе и развитию систем ИИ (риски приобретения алгоритмами деструктивной направленности своего развития в социальной системе должны сниматься специальными иерархическими технологиями информационной безопасности).

Системная интенсификация СРТ поддерживает принципы ESG [Ильин, Сизова 2023] и направлена на обеспечение качественно нового уровня эффективности СРТ и государственного управления, а также на создание положительного влияния на жизнь людей.

Заключение

Интеллектуализация российской экономики актуализирует системную интенсификацию системы разделения труда. Логика системного указывает: при конструировании и реконструкции систем отправной точкой служит определение того, что мы *не делаем* (в системном причина и следствие могут находиться в разных местах). Системная рефлексия системы разделения труда показала, что в системе принятия управленческих решений органов государственной власти как самой высокой подсистеме формируется предустановленная неизменяемость свойств, что не позволяет рассматривать ее как объект прямой практической деятельности. С системной точки зрения на систему принятия управленческих решений органов государственной власти влияют: структурные особенности системы разделения труда и функциональные особенности ее метасистемы (социальной системы), которые и могут быть объектами конкретных практических действий. В отличие от кибернетического подхода к управлению, который обращается к внутрисистемным характеристикам объекта и прямо воздействует на его функциональные механизмы, системная интенсификация имеет дело с целостностью и макроструктурой объекта, а также с внутрисистемными характеристиками его метасистемы (обеспечивает внешние условия для максимально эффективного функционирования системы) и именно косвенно воздействует на органы управления объекта. Метасистемный подход не исключает того, что в содержании метасистемного уровня, способном управлять структурой системы, могут быть представлены несколько метасистем: через призму ряда совершенно различных систем и специфических связей, которые актуализируются в конкретных ситуациях, рассматри-

вают объект сетевые технологии (governance), создающие сетевого субъекта управления и тем самым способствующие разрушению института субординации. Системная интенсификация рассматривает только одну метасистему, технологически строго выстраивая полноценную иерархическую систему для обеспечения качественно нового уровня эффективности государственного управления. Именно в этом состоит ключевая задача системной интенсификации системы разделения труда.

Востребованы системно-теоретические исследования, раскрывающие системное состояние современной социальности и технологий ИИ, а также их глубинные системные проблемы, связанные с системой разделения труда.

Литература

- Акофф 2002 – *Акофф Р.Л.* Акофф о менеджменте / Пер. с англ. под ред. Л.А. Волковой. СПб.: Питер, 2002. 448 с.: ил. (Серия «Теория и практика менеджмента»).
- Бабкин и др. 2021 – *Бабкин А.В., Шкарунета Е.В., Плотицков В.А.* Интеллектуальная киберсоциальная экосистема индустрии 5.0: понятие, сущность, модель // Экономическое возрождение России. 2021. № 4 (70). С. 39–62. DOI: 10.37930/1990-9780-2021-4-70-39-62.
- Блауберг, Юдин 1973 – *Блауберг И.В., Юдин Э.Г.* Становление и сущность системного подхода. М.: Наука. 1973. 271 с.
- Богданов 1989 – *Богданов А.А.* Тектология: (Всеобщая организационная наука): В 2 кн.: Кн. 1 / Редкол. Л.И. Абалкин (отв. ред.) и др.; Отд. экономики АН СССР. Ин-т экономики АН СССР. М.: Экономика, 1989. 304 с.
- Бурдые 2005 – *Бурдые П.* Мужское господство / Пер. с фр. Ю.В. Марковой // Социальное пространство: поля и практики. М.: Ин-т экспериментальной социологии. СПб.: Алетей, 2005. С. 286–364.
- Бутаков 2014 – *Бутаков А.В.* Общественное разделение труда и демократическая форма государственности // Вестник ОмГУ. Серия. Право. 2014. № 2 (39). С. 6–19.
- Дугин 2015 – *Дугин А.Г.* Ноомахия. Логос Германии. Человек апофатический. М.: Академический проект, 2015. 638 с.
- Ильин, Сизова 2023 – *Ильин А.Б., Сизова Ю.С.* ESG-принципы публичного и корпоративного управления // Вестник РГГУ. Серия Экономика. Управление. Право. 2023. № 2. С. 8–19. <https://doi.org/10.28995/2073-6304-2023-2-8-19>.
- Карпов 2014 – *Карпов А.В., Карпов А.А.* Системная методология как основа разработки проблемы метакогнитивных способностей личности // Системная психология и социология. 2014. № 3 (11). С. 11–19.
- Сорокин 2006 – *Сорокин П.А.* Социальная и культурная динамика / Питирим Александрович Сорокин; Пер. с англ., Вст. статья и коммент. В.В. Сапова. М.: Астрель, 2006. 1176 с.

- Ширинкина 2022 – *Ширинкина Е.В.* Развитие новых систем разделения труда и форматов работы в условиях новой реальности // Вопросы управления. 2022. № 1. С. 62–72. DOI: 10.22394/2304-3369-2022-1-62-72
- Щедровицкий, Кузнецов 2014 – *Щедровицкий П.Г., Кузнецов Ю.В.* От разделения труда к разделению деятельности // Философские науки. 2014. № 6. С. 49–64.
- Юнгер 2024 – *Юнгер Ф.Г.* Совершенство техники. Машина и собственность / Пер. с нем. И.П. Стребловой. 2-е изд., доп. СПб.: Владимир Даль, 2024. 560 с.
- Jackson 2019 – *Jackson M.C.* Critical Systems Thinking. Chichester: Wiley, 2019. 736 p.
- Keating, Katina 2019 – *Keating C.B., Katina P.F.* Complex system governance: Concept, utility, and challenges // Systems Research and Behavioral Science. 2019. № 36 (1). P. 1–19. <https://doi.org/10.1002/sres.2621>.

References

- Ackoff, R.L. (2002), *Ackoff on Management*, Volkova, L.A. (transl.), Piter, St. Petersburg, Russia (“Theory and Practice of Management” Series).
- Babkin, A.V., Shkarupeta, E.V. and Plotnikov, V.A. (2021), “Intelligent cyber-social ecosystem of Industry 5.0: definition, essence, model”, *Economic Revival of Russia*, no. 4 (70), pp. 39-62.
- Blauber, I.V. and Yudin E.G. (1973), *Stanovlenie i sushchnost' sistemnogo podkhoda* [The formation and essence of the system approach], Nauka, Moscow, Russia.
- Bogdanov, A.A. (1989), *Tektologiya: (Vseobshchaya organizatsionnaya nauka): V 2 kn.: Kn. 1. Otd. ehkonomiki AN SSSR. In-t ehkonomiki AN SSSR. M.: Ehkonomika, 1989. 304 s. [Tectology: (General organizational science)], In 2 books: Book 1. Abalkin, L.I. (ed.), Moscow, Russia.*
- Bourdieu, P. (2005), “Male domination”, Markova, Yu.V. (transl.), *Sotsial'noe prostranstvo: polya i praktiki [Social Space: Fields and Practices]*, Institut ehkspperimental'noi sotsiologii, Aleiteiya, Moscow, St. Petersburg, Russia, pp. 286-364.
- Butakov, A.V. (2014), “Public division of labor and democratic form of statehood”. *Herald of Omsk University. Series “Law”*, no. 2 (39), pp. 6-19.
- Dugin, A.G. (2015), *Noomakhia. Logos Germanii. Chelovek apofaticheskii* [Noomakhia. The Logos of Germany. Apophatic Man], Akademicheskii proekt, Moscow, Russia.
- Il'in, A.B. and Sizova, Yu.S. (2023), “ESG-Principles of public and corporate governance”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Economics. Management. Law” Series*, no. 2, pp. 8–19, <https://doi.org/10.28995/2073-6304-2023-2-8-19>.
- Jackson, M.C. (2019), *Critical Systems Thinking*, Wiley. Chichester, UK.
- Junger, F.G. (2024), *Sovershenstvo tekhniki. Mashina i sobstvennost' [The Perfection of Technology. Machine and property]*, Streblova, I.P. (transl.), 2nd ed., Vladimir Dal, St. Petersburg, Russia.
- Karpov, A.V. and Karpov, A.A. (2014), “System methodology as the basis for the solution of the problem of the individual metacognitive abilities”, *System Psychology and Sociology*, no. 3 (11), pp. 11-19.
- Keating, C.B. and Katina, P.F. (2019), “Complex system governance: Concept, utility, and challenges”, *Systems Research and Behavioral Science*, no 36 (1), pp. 1–19, <https://doi.org/10.1002/sres.2621>
- Shchedrovitsky, P.G. and Kuznetsov Yu.V. (2014), “From division of labor to division of activity”, *Russian Journal of Philosophical Sciences*, no 6, pp. 49–64.

- Shirinkina, E.V. (2022), "Development of new systems of labor division and forms of work in the context of a new reality", *Management Issues*, no. 1, pp. 62–72.
- Sorokin, P.A. (2006), *Sotsial'naya I kul'turnaya dinamika* [Social and Cultural Dynamics], Sapov, V.V. (transl.), Astrel, Moscow, Russia.

Информация об авторах

Андрей Б. Ильин, доктор экономических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; ilin.ab@rggu.ru

Сергей А. Батищев, аспирант, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская площадь, д. 6; batistchev@mail.ru

Information about the authors

Andrei B. Il'in, Dr. of Sci. (Economics), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; ilin.ab@rggu.ru

Sergey A. Batistchev, postgraduate student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; batistchev@mail.ru